Текст · 2 июня 2026, 08:44
Лиззи Джонсон,

Он погиб в Чернобыльской катастрофе, она — при российском ударе по Киеву. История одной семьи в репортаже New Yorker

Наталья Ходемчук годами хранила память о покойном муже, который был первым человеком, погибшим при аварии на Чернобыльской АЭС. Через 40 лет после его смерти, поздней осенью 2025 года, она сама погибла — в результате российского налета на Киев, когда пыталась спасти то немногое, что осталось у нее от Валерия Ходемчука. Корреспондентка журнала *New Yorker* Лиззи Джонсон восстановила историю этой семьи, и с разрешения издания «Медиазона» публикует полный перевод ее статьи.

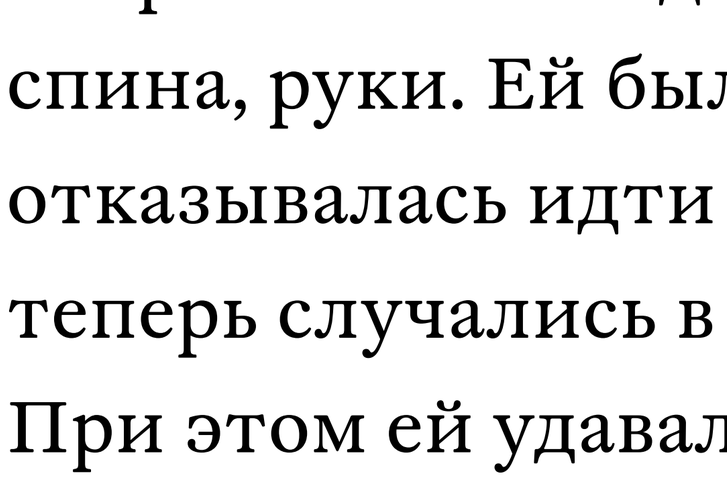
Последний вечер Натальи Ходемчук мало чем отличался от всех прочих вечеров. Она была дома, в своей аккуратной трехкомнатной квартире в Киеве, резала чеснок на заготовки, вязала носки и шарфы для отправки на фронт. Дело шло небыстро: в ноябре рано темнеет, чувствуется приближение зимы. Обычно после ужина Наталья звонила дочери, но в тот вечер она плохо себя чувствовала и решила лечь пораньше — на узорчатый зеленый диван в коридоре. Она называла коридор своим «бункером» — эти тонкие стены должны были защищать ее от российских авианалетов.

73-летняя Наталья жила на седьмом этаже советской панельной многоэтажки на левом берегу, недалеко от электростанции. Местные называют этот дом

«чернобыльским»: туда после катастрофы в 1986 году расселили семьи из Припяти. Муж Натальи, Валерий Ходемчук, стал первой жертвой взрыва и единственным, чьи останки так и не нашли — его тело оказалось погребено внутри разрушенного реактора, под тысячами тонн бетона и металла. Ему было 35 лет.

Наталья в одиночку вырастила двоих детей — Ларису и Олега. Оба теперь живут за границей, уже со своими детьми. Лариса, которой сейчас 53, в 1991 году переехала с мужем в Беларусь; Олег, который младше сестры на 4 года, перевез семью в Германию после начала полномасштабного российского вторжения в 2022 году.

Возраст Натальи давал о себе знать. Болели колени, спина, руки. Ей было сложно передвигаться, и она отказывалась идти в убежище во время атак, которые теперь случались в Киеве почти каждую неделю. При этом ей удавалось каждое лето добираться на электричке до дачи под Киевом. Это был простой домик, с туалетом на улице и без отопления, но именно работа в дачном саду приносила ей покой.

Строительство защитного укрытия над аварийным четвертым энергоблоком ЧАЭС, август 1986 года. Фото: Валерий Зуфаров, Владимир Репик / ТАСС

За годы, прошедшие после аварии, Наталья не раз приезжала в Чернобыль. Бывшие сослуживцы мужа привинтили мемориальную доску в коридоре между третьим и четвертым реактором. Уровень радиации

был слишком высоким, чтобы оставаться больше, чем на несколько минут, и работники АЭС всегда торопили Наталью. Но там она ощущала присутствие мужа. Через две недели она планировала опять туда поехать — на съемку к 40-й годовщине трагедии.

Наталья десятилетиями хранила память о муже — делилась воспоминаниями с детьми, передавала его медали в дар Национальному музею «Чернобыль» в Киеве, рассказывала о нем журналистам, даже когда сил на это почти не было. «Ты каждый раз заново пропускаешь через себя эту боль, — говорит ее дочь Лариса. — Но мама все равно соглашалась. Это был ее крест».

Портрет Валерия в рамке висел у Натальи в гостиной. Его лицо, не тронутое временем. Гладкая кожа, густые брови — таким она его и помнила. Она говорила семье, что он часто являлся к ней во сне — иногда с утешением, а иногда, чтобы о чем-то предупредить.

Той ночью, около часа, в Киеве начали гудеть сирены воздушной тревоги. Сотни российских дронов спускались на город, а с ними — больше десятка ракет. Взрывы сотрясли Киев. Один из дронов с 45 килограммами взрывчатки в носовой части влетел в седьмой этаж «чернобыльского» дома: гостиная Натальи оказалась ровно под его прицелом. Ее дети позже размышляли, что, может быть, он отклонился от курса и должен был попасть в находящуюся неподалеку электростанцию. «С математической точки зрения это практически невозможно, — говорил мне Олег. — Если посчитать размер города, количество квартир, население, это

один шанс на несколько миллионов. И при этом ровно так и произошло».

* * *

Наталья была третьей из четверых детей. Семья жила в деревне Копачи, у них была скотина и огород на выданной государством земле. Ребенком Наталья молотила рожь и ткала цветастые ковры на станке. Одежду стирали на улице в тяжелой деревянной бочке — жлукте[1] — или носили на ручей. Зимой она вместе другими детьми возила туда белье на санках и делала на замерзшем ручье проруби. Наталья и ее сестра Мария были неразлучны. «Мы все делали вместе», — говорит Мария, которой сейчас 71 год.

Припять, 1982 год. Фото: Владимир Репик / ТАСС

Подростками сестры договорились пойти работать в кафе в соседнюю Припять. Там в 1970 году Наталья встретила Валерия, он был родом из деревни Кропивня в 60 с лишним километрах на юго-запад. Обоих привлек советский образ Припяти — нового прекрасного города-спутника Чернобыльской атомной электростанции. Валерий, отслуживший в армии, работавший в бойлерной ЧАЭС и надеявшийся получить место в одном из реакторных цехов, был очарован красотой, практичностью и трудолюбием Натальи. Сначала они вместе ходили после смены к автобусной

остановке, потом — на танцы в сельском клубе в Копачах. Через несколько месяцев Валерий попросил у родителей Натальи ее руки. Они поженились в апреле 1971 года. Наталье было 19, Валерию — 20. С обручальными кольцами решили не морочиться.

Их первым общим домом стала бытовка. Потом, когда Припять немного отстроилась, им выделили двухкомнатную квартиру на улице Леси Украинки, по соседству с сестрой Натальи. Валерий и Наталья поклеили яркие обои и посадили во дворе космеи. Население Припяти, которой присвоили статус города в 1979 году, выросло до 49 тысяч человек. Десятки детей ходили в сад вместе с Ларисой и Олегом. Подросшие брат с сестрой любили после школы забираться на иву перед домом и прятаться там от родителей.

Валерий обожал дочь и сына. Сам он вырос без отца и был твердо намерен обеспечить им другое детство.

Они ходили с собакой в лес, собирали там белые грибы, а зимой — катались на лыжах. Летом они отправлялись путешествовать на белом «Москвиче» — на Азовское море или на Киевское (так называют большое водохранилище рядом с городом). Семья часто проводили выходные с родственниками Натальи в Копачах. Лариса и Олег со своими кузенами залезали на яблони и кусали твердые незрелые плоды. Осенью взрослые находили среди урожая подгнившие полумесяцы.

Наталья и Валерий Ходемчук. Фото из архива

Иногда Наталья и Валерий не виделись по несколько дней. Когда Наталье было чуть больше 20 лет, она устроилась оператором насосной станции через дорогу от дома: иногда ее смена заканчивалась, когда Валерий уходил на свою — вечернюю. Он продвигался по службе и в итоге стал старшим оператором в насосном зале новейшего реактора Чернобыльской АЭС — четвертого энергоблока. Его фасад был облицован белой плиткой, сияющей в утреннем солнце. За работу на предыдущем месте — во втором энергоблоке — Валерию дали награду. Его портрет висел на городской доске почета. Наталья пригласила друзей и близких отпраздновать, приготовила бефстроганов. «Наша семья родилась вместе с Припятью и Чернобыльской АЭС, — говорит Лариса. — Мы были среди тех, кто создавал что-то совершенно новое, не похожее ни на что».

* * *

Весной 1986 года Наталья и Валерий отмечали 15-летие со дня свадьбы. Тем апрелем Валерий решил продать свой «Москвич» в Киеве. Это должно было занять несколько часов — снятие с регистрации, обязательная стопка водки с новым владельцем, поездка на автобусе обратно в Припять, — и Валерий волновался, что не успеет вернуться к своей вечерней смене. Его друг и коллега Александр Зеленцов,

который должен был выходить на следующее утро в 8, согласился с ним поменяться.

Валерий Ходемчук. Фото из архива

Но продажа заняла меньше времени, чем ожидалось. Валерий дал новому автовладельцу иконку со святым защитником, которую он обычно крепил на приборную доску. В Припять он вернулся к обеду. Позвонил Зеленцову, сказал, что можно не меняться. Зеленцов, которому сейчас 75 лет, уверен: «Если бы я на ту смену пошел, вы бы не со мной, а с ним говорили».

Валерий предупредил Наталью, что ночь будет непростая. Его энергоблок готовили к плановой проверке. По приказу из Москвы операторы должны были тестировать систему резервного питания турбин. «Мы будем останавливать реактор», — сказал он жене.

Наталья смотрела по телевизору мелодраму. У нее был выходной. Дети — Ларисе было 13, Олегу 9 — уже легли. Пока она раздумывала над сюжетом фильма, Валерий собирался на работу. Их первая встреча в кафетерии казалась такой далекой… Она спросила

его: «А ты на мне женился по любви или просто так удобнее было?»

«По любви, конечно», — сказал он. Потом поцеловал ее на прощание и пообещал вернуться.

Валерий приехал в Чернобыль около полуночи. Он начал переодеваться: положил рубашку и штаны в шкафчик, взял рабочую одежду. И заметил на своей белой накрахмаленной форме грязь. Валерий был предельно аккуратным и дотошным человеком. Его коллеги даже подшучивали над ним из-за этого. Он попросил новый комплект и переоделся.

Каждый вечер Валерий первым делом проверял оперативный журнал. Он заметил, что система аварийного отключения активной зоны, которая подает воду в реактор, чтобы предотвратить взрыв, не функционирует. Он спросил старшего оператора, Михаила Рыбочкина, который готовился уйти со смены, почему аварийная система не работает. Рыбочкин сказал, что ее отключили по распоряжению главного инженера блока. Валерий стал уточнять, что с плановой проверкой, невнятность ответов коллеги его раздражала. Он отказался подписывать оперативный журнал и принимать смену, а это значило, что домой Рыбочкин уйти не мог. «Уже дошло до начальника смены реакторного цеха, — рассказывал Рыбочкин в интервью для украинского документального фильма. — Я ему стал звонить, говорю: или я остаюсь на смену, или пусть принимает [дела], потому что сейчас автобус мой уйдет».

Начальник позвонил Валерию и сказал ему подписать журнал. Пора было начинать проверку, и они не могли

из-за него задерживаться. «Что-то его тревожило, — рассказывает Рыбочкин. — Я ему стал объяснять, что все уже, блок на половине мощности работает. Вы его остановите — и все. И он подписал. Я ушел уже где-то в минут пять первого».

Примерно через час пятнадцать минут Валерий заметил, что циркуляционные водяные насосы, которые должны отводить тепло от активной зоны реактора, сильно вибрируют. Он пошел в насосный зал разбираться, потом позвонил на блочный щит управления. Резкий скачок температуры превращал воду в пар. Работа реактора не остановилась.

Дозиметристы внутри укрытия над разрушенным четвертым энергоблоком ЧАЭС, 1991 год. Фото: Валерий Зуфаров / ТАСС

Звонок Валерия был прерван настолько мощным взрывом, что у реактора оторвало крышу. Пламя устремилось вверх. Радиация шла прямо в ночное небо. Валерий, скорее всего, погиб под обломками сразу. Но все равно товарищи искали его еще несколько часов в радиоактивном дыму, который для некоторых из них в итоге оказался смертельным. После конца смены поиски продолжила следующая группа. Но к вечеру они сдались. Двоих рабочих отправили сообщить Наталье.

* * *

Наталья искала Валерия с утра, после того как сестра пришла с новостями о взрыве. Она была на автовокзале, где солдаты разбрызгивали пену, чтобы сдержать радиацию, в больнице, где люди в белых халатах переносили пострадавших из скорых в палаты. Она была в морге и вставала на картонную коробку, чтобы через окошко посмотреть на бледные тела внутри. Но ее мужа там не было. Дозвониться на АЭС было невозможно. Она прекратила поиски и пошла домой.

Скоро пришли сослуживцы Валерия. Они сказали ей, что он пропал без вести, и спросили, хочет ли она, чтобы они продолжили поиски. Наталья чувствовала, что его больше нет. «Мои дети уже осиротели, пусть хоть у других отцы будут», — сказала она.

На следующий день, когда Наталья по рекомендации властей мыла лестничную клетку уксусом, пришел приказ об эвакуации. Жителям города велели оставить домашних животных и взять с собой вещей на три дня — якобы потом они смогут вернуться в Припять. Местным казалось, что советская власть преуменьшает масштаб катастрофы. Для всего мира Кремль вообще делал вид, что взрыва не было: любое распространение информации о Чернобыле было запрещено. Но радиоактивное облако уже плыло над Европой, активируя датчики в шведской лаборатории в тысяче километров от Чернобыля и медленно уничтожая здоровье десятков тысяч людей. Гора доказательств росла. Во время официального визита в Японию Рональд Рейган сказал: «То, как Кремль отреагировал на этот инцидент, говорит о его полном пренебрежении законной тревогой людей по всему миру».

Дозиметрический контроль выезжающего автотранспорта на границе тридцатикилометровой зоны отчуждения после аварии на ЧАЭС, май 1986 года. Фото: Валерий Зуфаров, Владимир Репик / ТАСС

Наталья села в эвакуационный автобус с Ларисой и Олегом, которые до сих пор помнят все оставленные дома сокровища: плюшевую обезьянку, куклу, заводную машинку. Первое время они жили у матери Валерия в Кропивне. Наталья сказала свекрови, что Валерий на лечении в Москве и придерживалась этой версии до мая, когда генсек Михаил Горбачев объявил в новостях, что Валерий Ходемчук был одним из двух погибших во время

чернобыльской катастрофы — единственные смерти, которые он признал в своей тогдашней речи.

Тем летом Ларису и Олега отправили в лагерь в Крым. Наталья вернулась в Чернобыль и продолжала работать на насосной станции еще несколько недель, получив статус «ликвидатора». Но отравленная и опустевшая Припять больше не была ее домом.

Семья переехала в Киев перед началом школьных занятий. Они поселились в одной из квартир, спешно выделенных для жителей Припяти, вперед тех, кто давно уже стоял в очереди на жилье. В школе Ларису и Олега дразнили «чернобыльскими ежиками» и распускали слухи, что они радиоактивные. Наталья нашла работу кастеляншей в общежитии. Она пыталась получить свидетельство о смерти Валерия, что не только принесло бы успокоение, но и помогло бы получить дополнительный доход как его вдове. Однако это было невозможно, потому что тела не было. «После несчастья нас разметало, — вспоминает ее сестра, которая в итоге переехала с мужем в деревню на юго-восток от Киева. — Все забрали: нашу землю, нашу семью, даже место упокоения, куда мы могли бы вернуться и помянуть своих».

И все же Наталья пыталась превратить их новую квартиру в настоящий дом. Она купила мебель и повесила портрет Валерия. Она всегда помнила его: мягкие кудри, ямочки на щеках, тембр голоса. Спустя годы после его смерти ей не раз говорили, что пора уже снова выйти замуж. Но делать этого она не собиралась. Валерий обещал вернуться.

* * *

Чернобыль, когда-то привлекавший туристов, был почти полностью закрыт с тех пор как российские войска, наступавшие из Беларуси, ненадолго заняли Чернобыльскую АЭС четыре года назад. Но этой зимой после многодневного планирования и запросов украинские власти разрешили мне поехать туда вместе с фотографом и фиксером Сергеем Моргуновым. Два с половиной часа мы ехали на север от Киева, потом прошли блокпост и попали в зону отчуждения.

Украинские войска и сейчас стоят в Чернобыле, охраняя АЭС и одну из основных дорог в Киев. Но в день, когда приехали мы, все было тихо, пейзаж оставался диким и нетронутым. Десять лет назад правительство Украины выделило из зоны отчуждения больше двух тысяч квадратных километров на экологический биосферный заповедник для восстановления местных видов животных и растений. С тех пор здесь растут популяции рыси, медведей и лосей.

На подъезде к Припяти мы увидели стальной хребет защитного саркофага, разрезающий небо. Огромная конструкция, которая больше всего похожа на авиационный ангар, была надвинута на разрушенный реактор в 2016 году, чтобы предотвратить возможные радиоактивные утечки. Срок жизни «Нового безопасного конфайнмента» — только сто лет. Потом нужно будет строить новое сооружение, и так тысячу лет. Когда мы приехали, рабочие и инженеры все еще вспоминали, как в феврале 2025 года российский дрон врезался

в конфайнмент, спровоцировав пожар и создав угрозу еще одной атомной катастрофы. Москва атаку отрицает.

Нам выдали дозиметры, которые должны были фиксировать дозу радиации, накапливающейся в наших телах. Мы подписали документы, что осознаем риски, а потом выделенный правительством проводник сел в нашу машину и мы отправились на улицу Леси Украинки.

Припять, которую описывали Олег и Лариса, разительно отличалась от того, что я увидела. Город их детства был идиллическим. По их воспоминаниям, они могли покупать бананы и мандарины в магазине, то есть в Припяти не было дефицита, душащего остальные города СССР. В Новый год на центральной площади звучали аккордеоны и бубны, танцевали люди. А однажды громадная ель упала под тяжестью собственного веса. Сейчас, когда мы заехали вглубь Припяти, вместо города нас встретили джунгли. Деревья росли на крыше гостиницы «Полесье», где когда-то селили физиков-ядерщиков. Во дворце культуры «Энергетик» ледяной дождь собирался на стенах заброшенного бассейна. Счетчик Гейгера, который замерял радиацию, тихо поскрипывал.

Мы припарковались у бывшего места работы Натальи, насосной станции, которая все еще функционирует. Оператор на смене, крепко сбитый 58-летний мужчина с коротко стрижеными седыми волосами, помнил Наталью — он видел ее, когда она приезжала к мемориалу Валерия. Наш новый знакомый родился в 20 километрах отсюда, и хотя подростком его тоже эвакуировали, он все

равно считает Чернобыль своей малой родиной. Он отрабатывает на станции 10-дневные смены, чтобы не терять связь с местом, где он вырос. Через дорогу, среди обступивших его заснеженных деревьев, высился серый дом Ходемчуков. Ива, в ветвях которой прятались дети, так и стоит перед входом, от старости ее ствол скривился еще больше. Проводник предупредил, чтобы мы смотрели под ноги — фундамент здания разрушался. На двери квартиры на первом этаже кто-то написал маркером: «Мы вас помним».

Лариса сказала, что их квартира — на втором этаже слева. Сергей, мой фотограф и фиксер, остановился перед почтовыми ящиками. Он увидел фамилию Валерия — выцветшую, но все еще читаемую — на номере 39. Мы поднялись. Входная дверь в квартиру Ходемчуков была распахнута. Сквозь окна с покосившимися рамами дул ледяной ветер. Яркие обои, которые когда-то клеили Наталья и Валерий, лоскутами свисали со стен — зеленый уступал розам. В гостиной валялась сломанная мебель. Букет засохших цветов в целлофановой обертке и перевязанный голубой лентой, лежал на раковине в кухне.

Той ночью мы вернулись через зону отчуждения обратно в Киев. Мы проехали Копачи, деревню, где жили многие поколения Натальиной семьи. Дома признали радиоактивными и захоронили вместе с яблоневым садом. Остались только насыпи. После катастрофы Наталья и ее сестра вместе пришли на землю своих предков, чтобы попрощаться. Они перешли мостик, вспоминая, как их посылали сюда стирать белье. Ручей так и тек себе, такой чистый, что

тянуло в нем искупаться. Как и в соседнем озере, но папа в нем купаться запрещал. Там болото, говорил он — можно наступить в трясину и уже не выбраться. Теперь в этой земле российские мины, попасть туда нельзя.

После аннексии Крыма в 2014 году и российского вторжения Наталья больше не могла навещать кенотаф мужа на Митинском кладбище в Москве. В 1998 году она боролась за то, чтобы на памятнике было имя Валерия, вместе с еще 27-ю другими работниками АЭС и пожарными, погибшими во время взрыва или от радиоактивного отравления. Она захоронила рубашку, которую Валерий надевал перед своей последней сменой. Она так и не заставила себя ее постирать — надеялась подольше сохранить его запах.

Москва многое забрала у Ларисы и Олега. Олег переехал из Украины в Германию, в том числе для того, чтобы дать своему сыну, которому на тот момент было семнадцать, возможность жить без оглядки на Россию и ее войну. Его пятилетняя дочь Валерия, названная в честь деда, растет в чужой стране. А Лариса застряла в Беларуси, которую Наталья презирала из-за союза с Россией и наотрез отказывалась туда переезжать, как бы ни умоляла дочь.

«Теперь мы потеряли все, — говорит Лариса. — Мы в том же состоянии, что когда-то была мама. Потерять свой дом, свою родную землю, это как упасть с моста в пропасть, и пути назад нет. Нам возвращаться некуда. У нас была мама, у нас был дом, квартира — место, куда можно было вернуться. Теперь нет ничего».

* * *

Дом, в котором жила Наталья Ходемчук, после удара российского беспилотника 14 ноября 2025 года. Фото: Alina Smutko / Reuters

Взорвавшийся дрон спалил двери в квартиру Натальи. Дым поднялся на верхние этажи. Дышать было совсем нечем — рассказал мне позже один из соседей. Снаружи были видны языки пламени в темноте. Осколки оконных стекол усыпали мостовую. На парковке выли сигнализации машин. Наталья, которую защищали стены ее коридорного бункера, почти не пострадала.

Она вышла из квартиры и встретила свою соседку по этажу Ирину Бутину. У Ирины, которая проходила лечение от рака, была 13-летняя дочь и полуторагодовалый сын. Наталья пыталась открыть дверь, которая вела к лифту и лестнице, но взрыв

ее заблокировал. «Она сказала, что мы должны потушить пожар в ее квартире, — рассказывает Ирина. — Я стою с ребенком на руках и спрашиваю, а чем мы его тушить будем?»

Наталья устремилась обратно в квартиру. То немногое, что осталось от Валерия — его фотография, его кожаный ремень в прихожей, фотоальбомы, хранившие все, что она оставила в Копачах и Припяти, — все это могло сгореть. Ванная была заполнена водой — Наталья готовилась к отключению из-за российских атак на инфраструктуру. Она наполнила руки водой и плеснула на огонь, но это было бессмысленно. Пламя захватило квартиру и ее вместе с ней. У нее горели волосы. Кожа начала пузыриться. Наталья оставила попытки спасти свой дом.

В коридоре на этаже дверь все еще не поддавалась. Ирина пыталась ее как-то открыть, в воздухе стоял черный густой дым. Она почувствовала, что задыхается. Отправила дочь с сыном в квартиру и велела им дышать через открытое окно. Она молилась: «Я говорила: "Господи, пожалуйста, не дай мне увидеть смерть моих детей. Помоги открыть этот замок". И в этот момент дверь открылась».

Это было похоже на чудо. Ирина отвела детей на лестницу, подальше от пламени. И только тогда снова появилась Наталья. Она была босиком и не в себе. Ночная рубашка расплавилась. Она попросила Ирину вызвать скорую. Та объяснила Наталье, что надо уходить. Наталья, прихрамывая, прошла семь лестничных пролетов, ненадолго остановилась на третьем этаже — зашла к подруге за тапками и

свитером, чтобы закрыть ярко-розовую кожу. На голову она повязала платок. Как только она вышла наружу, Наталью увезли в ближайшие ожоговый центр. Она умерла утром следующего дня; кроме нее эта атака убила еще шесть человек. Президент Украины Владимир Зеленский назвал это «новой трагедией, снова устроенной Кремлем».

Публикация в Instagram

Instagram

Serhiy Morgunov on Instagram: "1. The door that jammed from the blast wave after an Iranian-Russian drone struck Nataliia Khodymchuk’s living room on November 14, 2025.- Nataliia and her neighbor Iryna Butina, who was holding her 17-month-old child, tried to force it open as thick black smoke filled the space and it became increasingly difficult to breathe. Nataliia then decided she had to try to put out the fire herself before the firefighters arrived. She went back into the apartment, where she had a bathtub filled with water in case the water supply was cut off after other strikes on civilian infrastructure. The apartment was already on fire. When she realized it was impossible to stop it, she poured some of the water over herself and headed back toward the exit. The door was eventually opened. Iryna and her children survived. Nataliia made it out and asked someone to call an ambulance. She had suffered burns over 45 percent of her body and died the next day in the hospital. 2-3. A room in Nataliia’s apartment on Balzac Street in Kyiv, where the drone struck.- 4. The corridor from the entrance to Natalia’s room, Jan. 31, 2026, which she called “my bunker,” where she planned to spend the night on a couch on Nov. 14, 2025. 5. Natalia’s room in an apartment on Honoré de Balzac Street after a fire caused by a Russian-Iranian drone strike, where she spent her final years. Kyiv, Jan. 31, 2026. 6. Outerwear melted by high temperatures in Natalia’s room 7-8. Charred and cracked jars of preserved fruits and vegetables from Natalia’s garden in the Chernihiv region, prepared shortly before the attack. She made them each year for winter and shared them with neighbors. 9-10. The room adjacent to the one struck by the drone, formerly Oleg’s childhood bedroom, where Natalia in recent years sometimes slept and spent time sewing, reading and knitting. The least damaged space in the apartment."

88 likes, 3 comments - serghiymorgunov on May 2, 2026: "1. The door that jammed from the blast wave after an Iranian-Russian drone struck Nataliia Khodymchuk's living room on November 14, 2025. Nataliia and her neighbor Iryna Butina, who was holding her 17-month-old child, tried to force it open as thick black smoke filled the space and it became increasingly difficult to breathe. Nataliia then decided she had to try to put out the fire herself before the firefighters arrived. She went back into the apartment, where she had a bathtub filled with water in case the water supply was cut off after other strikes on civilian infrastructure. The apartment was already on fire. When she realized it was impossible to stop it, she poured some of the water over herself and headed back toward the exit. The door was eventually opened. Iryna and her children survived. Nataliia made it out and asked someone to call an ambulance. She had suffered burns over 45 percent of her body and died the next day in the hospital. 2-3. A room in Nataliia's apartment on Balzac Street in Kyiv, where the drone struck. 4. The corridor from the entrance to Natalia's room, Jan. 31, 2026, which she called "my bunker," where she planned to spend the night on a couch on Nov. 14, 2025. 5. Natalia's room in an apartment on Honoré de Balzac Street after a fire caused by a Russian-Iranian drone strike, where she spent her final years. Kyiv, Jan. 31, 2026. 6. Outerwear melted by high temperatures in Natalia's room 7-8. Charred and cracked jars of preserved fruits and vegetables from Natalia's garden in the Chernihiv region, prepared shortly before the attack. She made them each year for winter and shared them with neighbors. 9-10. The room adjacent to the one struck by the drone, formerly Oleg's childhood bedroom, where Natalia in recent years sometimes slept and spent time sewing, reading and knitting. The least damaged space in the apartment.".

https://www.instagram.com/serghiymorgunov/p/DX1CcVpjW6h/

Сгоревшая квартира Натальи Ходемчук. Фото: Serhiy Morgunov / Instagram

Новости о смерти Натальи быстро разнеслись по Украине, стране, уже почти притерпевшейся к подсчету погибших за ночь. В прошлом году, самом смертоносном для гражданского населения с начала войны, погибло больше 2500 людей — на 31% больше, чем в предыдущем году. Москва при этом утверждает, что атакует только военные объекты. Смерть Натальи стала горем для всей страны. Я просматриваю ее черно-белые фотографии в соцсетях местных СМИ. Вот она стоит в магазине со своей

сестрой, круглощекая и юная, а вот — они с Валерием позируют, полулежа на снегу в Припяти.

Через несколько дней после налета рабочие приехали в «чернобыльский» дом, чтобы прибить фанеру поверх разбитых окон в почерневшей от копоти квартире Натальи. По зданию, где и так не было отопления и электричества почти всю зиму, потому что Россия атаковала энергосети Украины, гулял сквозняк. Соседи Натальи начали разбирать квартиру: уцелели несколько картофелин на балконе, пара блузок, книга об атомной энергетике, раскрытая на статье советского инженера-строителя атомных реакторов, первопроходца в отрасли Николая Доллежаля: «Рождение мирной атомной энергетики».

58-летняя Валентина Ананенко — супруга Алексея Ананенко, удостоенного звания Героя Украины за участие в операции под четвертым энергоблоком ЧАЭС в 1986 году, — осматривает сгоревшую квартиру своей соседки, 73-летней Натальи Ходемчук. Снимок сделан 20 апреля 2026 года в Киеве. Фото: Alina Smutko / Reuters

Наталью похоронили в деревне сестры, к юго-востоку от Киева. Этой весной Мария посадит на могиле бархатцы, хризантемы и лаванду. Но дети Натальи не увидят, как они расцветут. «Как такая хрупкая женщина все это вынесла? — говорит Лариса. — Я только с годами поняла, уже когда замуж вышла и свой дом обустроила, когда уже дети родились. Вот этот вес, который она на себе несла».

Через несколько дней после смерти Натальи одна из ее старых подруг, тоже когда-то эвакуированная из

Припяти, принесла на ЧАЭС букет. Она положила цветы у мемориала Валерия и сказала: «Наталья наконец с тобой».

Автор: Лиззи Джонсон

Оригинал: *A Chernobyl Widow's Tragedy, Forty Years Later*.
The New Yorker, 25 April 2026.

Перевод: Вера Нифлер

Translated with permission from The New Yorker.

1. Жлукто — сосуд, выдолбленный из цельного ствола дерева.